

Донца. В городе затеплилась жизнь. Однажды на базаре отец встретил знакомого, у которого передвойной ремонтировал пианино. Отец вспомнил, что он был врач, хирург. Разговорились. Врач рассказал, что комендант города разрешил открыть в городе Родильный дом, поскольку женщины ждать конца войны не могут и его приняли туда хирургом-акушером. И после очень долгих переговоров отцу удалось уговорить этого врача Голобородько сделать мне (не бесплатно!) операцию - извлечь осколок. Доставили меня на Костюринский переулок под вечер, как позволял комендантский час, операцию делали поздно вечером, предупредили, чтобы не кричал. А как же было не кричать, если рана нагноилась, наркоз не действовал, да и мало его было. Когда было особенно больно, я вскрикивал, но меня сейчас же прикрывала подушкой стоявшая рядом санитарка. Наконец врач нашупал осколок, вытащил его и показал мне. Я его не видел, так как к тому времени уже был без памяти.

Удивительно, что врач вообще нашел его без рентгена, только по направлению зонда, который он вставил во входное отверстие, и по глубине раны. Конечно, это был большой риск для врача. Кто-то из рожениц мог услышать мой крик, доложить немцам. Ведь по городу были расклеены призывы выдавать раненых красноармейцев, за невыполнение – расстрел. Но - обошлось. Утром отец приехал за мной с двухколесной тачкой и одеялами и отвез домой. Началось выздоровление. На вопрос отца, какие лекарства теперь нужны, врач ответил: «Курятина, питание»...

Между тем, наступила весна, распустились деревца во дворе, я стал потихоньку опускать ногу с постели и, становясь на пятку, выходить во двор. На нашей глухой окраине было тихо, никакого передвижения войск, ни даже автомашин не было. Мама иногда ходила на базар и